

Рука уже скользнула в штаны Шан Сижую, мягко и нежно поглаживая его. Сухая, чуть влажная ладонь двигалась с особым тактом. Поза мужчины в постели часто говорит о его истинных чувствах. Все прошлые любовники Шан Сижую были избалованными знатными особами, которые думали лишь о собственном удовольствии, не заботясь о его комфорте. Он подумал, что только его Второй господин по-настоящему заботится о нём, даже в такие моменты. От этих мыслей он невольно издал довольный стон. Услышав это, Чэн Фэнтай почувствовал, как его сердце затрепетало, и он стал ещё усерднее.

Чэн Фэнтай, разгорячённый, начал шалить, мягко дыша ему в ухо:

— Господин Шан, спойте что-нибудь сейчас.

— Иди к чёрту!

Чэн Фэнтай остановился:

— У меня рука устала.

Шан Сижуй продолжал двигать бёдрами, пытаясь приблизиться к его руке. Но Чэн Фэнтай разжал ладонь, оставив его без опоры. Охваченный страстью, Шан Сижуй действительно взял дыхание и начал петь:

— Если бы не старый Чэнь Линь, который всё помнил точно, ты бы чуть не казнил ту опору моря и столп небес. Чем больше я думаю, тем больше ненавижу, и не могу не злиться на Шан Ланя.

Сяо Лай давно услышала, как Чэн Фэнтай стучал в дверь, но в такое время он приходил к Шан Сижую только ради любовных утех. Зная, что Шан Сижуй спит крепко, она решила не открывать, чтобы он помёрз. Долгое время не слыша звуков, она подумала, что он ушёл. Но потом услышала, как Шан Сижуй поёт.

Она резко села. Он пел «Драконовую робу», где императрица Ли наказывает императора, ослепшего и оскорбившего её, но это было скорее громом среди ясного неба, ведь она лишь сняла с него одежду и отряхнула пыль.

Сяо Лай снова легла, злобно накрывшись одеялом.

Шан Сижуй, следуя ритму рук Чэн Фэнтая, наслаждался предельным блаженством, продолжая петь. Слова и мелодии пьес были в его крови, он не нуждался в поиске нужного тона или запоминании текста. Ему достаточно было открыть рот, и пение лилось, как поток.

Чэн Фэнтай обнял его за плечи, прижавшись щекой к щеке, и засмеялся:

— Господин Шан, ваше мастерство действительно непоколебимо! Даже в такой момент вы поете, не сбиваясь с тона и даже импровизируя! Продолжайте, пойте дальше!

Он сжал руку, и Шан Сижуй, приближаясь к пику, пропел последнюю фразу с особой силой:

— Принесите пурпурный золотой шест, чтобы наказать беззаконного императора!

Соседская собака снова залаяла, и хозяин, кажется, что-то прокричал, но неизвестно, на кого — на собаку или на людей.

Чэн Фэнтай, вытерев руки о случайно попавшуюся одежду, засмеялся:

— Господин Шан, вы совсем не хотите уступать? Наслаждаетесь и при этом ещё и ругаете меня, словно я ваш сын?

Он щёлкнул пальцем по тому месту:

— Этим шестом вы меня бьёте?

Шан Сижуй, истощённый после разрядки, лежал без сил. Чэн Фэнтай, возбуждённый, взял его руку и повторил процесс. Шан Сижуй, однако, не уступал, и, помогая Чэн Фэнтаю, сам заснул, заставив того закончить в одиночку и затем вытереть его. Он наслаждался этим без зазрения совести, только принимая, но не отдавая. Чэн Фэнтай чувствовал себя одновременно раздосадованным и забавно обиженным. Сяо Лай действительно ошиблась: сегодняшний вечер был его подарком Шан Сижую, несмотря на холод и снег. А он, звезда, действительно был велик!

Чэн Фэнтай поправил одеяло у плеча Шан Сижую, погладил его волосы. Впрочем, он действительно был готов так за ним ухаживать.

Они спали до утра. Зимой в Бэйпине рассвет наступал поздно, и когда в комнате появился слабый свет, Чэн Фэнтай с трудом проснулся. Шан Сижуй обычно вставал рано, и, почувствовав движение, он ударил его кулаком:

— Почему ты сегодня так рано встал?

Чэн Фэнтай, зевая, нащупывал штаны:

— Вчера не успел сказать, Чан Чжисинь уехал по делам, и твоя старшая сестра остановилась у меня. В праздники нельзя пропадать на второй день после приёма гостей.

Шан Сижуй мгновенно напрягся и закричал:

— Она у тебя живёт!

Чэн Фэнтай, не торопясь одеваться, фыркнул:

— Ты чего кричишь? Женщине одной неудобно жить. К кому ей ещё идти, кроме Второй госпожи?

Шан Сижуй, и без того не хотевший его отпускать, теперь был ещё более непреклонен. Он тихо прошипел:

— Чего ей неудобно? Раньше она спала в храмах и на нарах, когда пела! Почему тогда ей было удобно?

Затем, повысив голос, он по-детски заявил:

— Ты в праздники не играешь со мной! Ты пойдёшь к ней!

Чэн Фэнтай, хмурясь, засмеялся:

— Не капризничай! Как только услышал о старшей сестре, сразу ожил. Ещё будешь капризничать — получишь!

Шан Сижуй, сообразив, схватил фонарик с прикроватной тумбочки, обернул его штанами Чэн Фэнтая и выбросил в окно. Окно было уже застеклено, и с грохотом стекло и резная деревянная рама разбились, впуская холодный ветер.

Чэн Фэнтай задохнулся от злости:

— Эй, парень! У Ду Ци столько ума, а ты учишься только этому! Чёрт возьми, иди принеси обратно!

Шан Сижуй, с беззаботным видом, улёгся обратно в кровать, укутавшись в одеяло:

— Не пойду! Сам иди!

Чэн Фэнтай, не желая спорить, начал искать штаны Шан Сижую, чтобы одеться и пойти за фонариком. Но Шан Сижуй, проявив ловкость, которую он обычно использовал для борьбы с ворами, мгновенно выхватил штаны и спрятал их между ног, прижимая к телу, с довольной ухмылкой:

— Твоих штанов нет, и моих тоже нет!

Чэн Фэнтай, разозлённый, но одновременно восхищённый его наглостью, засмеялся, хотя смех был скорее вздохом. Шан Сижуй, плотно укутанный в одеяло, выглядывал из-под него, его влажные глаза смотрели с невинным выражением.

Чэн Фэнтай, указывая на него, проговорил:

— Молодец, маленький наглец! Я всё равно пойду за ними!

Он сделал несколько шагов, но холодный ветер обжёг его голые ноги. Дрожа, он вернулся в кровать:

— Чёрт, машины нет, неужели мне придётся мёрзнуть?

Шан Сижуй радостно открыл одеяло, чтобы он мог лечь. Чэн Фэнтай, сдаваясь, обнял его, и, почувствовав тепло, вздрогнул:

— Подожди, я поплю ещё немного, а потом разберусь с тобой. Мелкий бесёнок. Ты совсем распоясался.

Шан Сижуй засмеялся:

— Ладно, ладно, я жду!

Они снова уснули.

Проснулись только к полудню. Шан Сижуй, как всегда, не мог усидеть на месте, вертясь и мешая Чэн Фэнтаю. Тот, проснувшись, услышал:

— Второй господин! Вставай, поиграем! Давай поговорим о сплетнях!

Чэн Фэнтай, не открывая глаз, пробормотал:

— Не могу, нужно ещё полежать. Ты расскажи мне.

Шан Сижуй знал, что если Чэн Фэнтай ленится вставать, то это надолго. Но он не мог терпеть голод, поэтому достал печенье со вкусом шоколада и начал есть, рассыпая крошки по кровати. Затем он вытер рот рукавом пижамы, и сахарная пудра посыпалась вниз, раздражая Чэн Фэнтая, который взял банку и с трудом открыл глаза.

— Господин Шан, что это за печенье? То, что я тебе купил? Почему так много крошек?

Шан Сижуй уже открыл рот, но Чэн Фэнтай остановил его:

— Ладно, проглоти сначала, а то обсыплешь меня...

Шан Сижуй проглотил:

— Ты купил. Но оно было недостаточно сладким, поэтому я попросил Сяо Лай добавить полбанки сахара. Теперь оно стало вкуснее.

Чэн Фэнтай не нашёлся что ответить, взял его за подбородок:

— Господин Шан, открой рот, я посмотрю на твои зубы.

<http://bllate.org/book/15435/1368642>